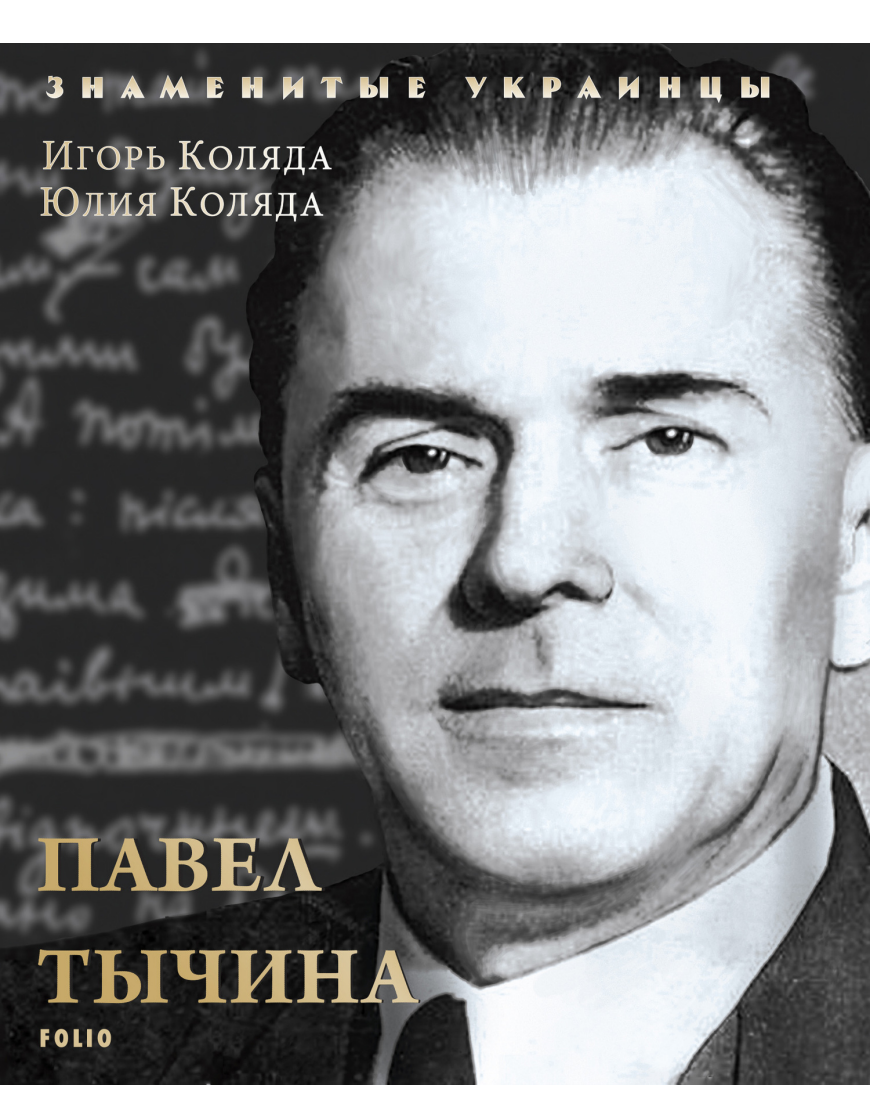

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

Игорь Коляда
Юлия Коляда

ПАВЕЛ
ТЫЧИНА

FOLIO

Юлия Игоревна Коляда
Игорь Анатольевич Коляда
Павел Тычина
Серия «Знаменитые украинцы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44617827

Павел Тычина / Игорь Коляда, Юлия Коляда, худож.-оформитель С. Н.

Кошелева: Фолио; Харьков; 2018

ISBN 978-966-03-8541-2

Аннотация

Павел Григорьевич Тычина (1891–1967) вошел в историю нашей культуры как поэт-новатор, романтик, автор непревзойденных «Солнечных кларнетов», переводчик, ученый, музыкант, художник. Он обогатил украинский язык более чем 1500 неологизмами, которые внесены в современные словари. Научил чувствовать в поэзии музыку и мыслить образами, говорил со Вселенной языком родной украинской земли. И в то же время он был человеком, о котором Василий Стус написал: «Феномен Тычины – феномен эпохи. Его судьба свидетельствует: поэт жил во время, которое превратило гения в шута. И поэт согласился на эту роль... став шутком при дворе кровавого короля...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Коляда, Юлия Коляда Павел Тычина

© И. А. Коляда, Ю. И. Коляда, 2018

© М. П. Згурская, перевод на русский язык, 2018

© С. Н. Кошелева, художественное оформление,
2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2009

Глава первая

Род

В подготовительных материалах к ненаписанной книге «Мое детство» Павел Григорьевич Тычина записал: «Когда я был маленьким, у нас в доме на стене висела лубочная картина „Переяславская рада“. Бывало, отец покажет пальцем на запорожца, что с левой стороны на пне, что ли, каком-то сидел: „Вот это полковник Тычина“. <...> И я долго смотрел на картину и гадал: и где же этот Тычина, наш предок?» Об источниках этой информации поэт сообщает лаконично: «Отцу об этом кто-то сказал...» Отметим: эти сведения верны. Речь идет о Гнате Тычине, прапрапрапрапрадеде поэта. Правда, этот 18-летний казак в армии Б. Хмельницкого был не полковником, а полковым старшиной – полковым писарем. «Возможно, это была романтика, – пишет Павел Григорьевич, – хотя, правда, в так называемых „Полуботковских миллионах“ стояла и наша фамилия». Авторы примечаний к 11-му тому академического «Собрания сочинений» поэта в 12 томах комментируют эти слова так: «Род Тычин был связан с родом гетмана П. Л. Полуботка (1660–1724), <...> который вложил 1 миллион фунтов стерлингов в Ост-Индскую компанию с годовым ростом 4 %». Семейное предание подтверждается документально.

В Российской империи история сокровищ П. Полуботка, спрятанных в лондонском банке, считалась в лучшем случае выдумкой или легендой. По причине недостатка доказательств никто не верил в ее реальность. Однако в 1907 году профессор Александр Рубец напечатал в журнале «Новое время» статью, где сообщил, что в одном из архивов ему удалось найти рассказ английского шкипера, который в 1720 году вез на шхуне из Архангельска в Лондон трех молодых плечистых украинцев, двое из которых с трудом втащили на судно тяжелый бочонок, и их дядьку-наставника. А в Лондоне шкипер сопровождал своих пассажиров в Ост-Индскую компанию в качестве переводчика, там один из них, представившись сыном Полуботка Яковом, сделал вклад на сумму 200 000 золотых рублей. Обязавшись ежегодно начислять на вклад 4 % с ежегодным ростом суммы за счет дивидендов, компания приняла его на неопределенный срок до востребования Яковом или его отцом, или уполномоченными ими лицами, или, в случае их смерти, наследниками. Положение о конфискации за давностью лет на этот вклад не распространялось.

Наказной гетман Павел Леонтьевич Полуботок был одним из самых богатых людей Гетманщины и, возможно, самым состоятельным вельможей Левобережной Украины. После ареста гетмана из его казны изъяли огромную сумму золотых, серебряных и медных денег. Однако сегодня утверждают, что изъято было не все. Откуда-то стало известно, что

«у гетмана было больше золотых и серебряных монет», и их якобы и вывезли в Европу через Архангельск. При этом, как ни странно, не осталось никаких расписок или гарантийных документов.

Звезда рода Полуботка начала восходить во времена деда Павла – Артемия, сотника Черниговского полка. Леонтий Артемьевич, который унаследовал его земли, считался человеком весьма влиятельным, поскольку был родственником самого гетмана Украины Ивана Самойловича. При нем отец Павла Полуботка стал переяславским полковником и генеральным бунчужным. Поэтому можно утверждать, что будущий наказной гетман Украины П. Полуботок родился в довольно богатой семье и получил хорошее образование. Родственные связи с гетманом Самойловичем обеспечивали надежную основу процветания семьи.

В 1687 году разгорелась борьба за гетманскую булаву между И. Самойловичем и И. Мазепой. Путем написания доносов и раздачи взяток власть захватил последний. Сторонники свергнутого правителя Гетманщины один за другим отправлялись в ссылку. Казалось, судьба родственников Самойловича была решена, но гетман Мазепа почему-то не трогал Полуботка целых три года.

В 1689 году было раскрыто дело монаха Соломона, за которое Мазепа едва не поплатился жизнью. Но при рассмотрении выяснилось, что в деле не обошлось без отца и сына Полуботков. Приговор был немедленным и строгим: владе-

ния Полуботков описали и конфисковали в пользу военной казны и города Чернигова. Леонтия Полуботка лишили полковничьей должности, а его сын Павел до 1705 года никаких официальных должностей не занимал, его приписали к Черниговскому полку. Род будущего гетмана лишили богатств, и, казалось, он должен был навсегда исчезнуть со страниц истории. Но Полуботки в лице сына бывшего переяславского полковника вновь поднялись. Как ни странно, продвижению Павла способствовал не кто иной, как сам виновник разорения рода. Вскоре Мазепа сделал П. Полуботка черниговским полковником.

В 1709 году И. Мазепу объявили предателем. Петр I созвал казацкую старшину в Глухове для избрания нового гетмана. Одним из первых, кто откликнулся на призыв русского царя, был Павел Полуботок.

На булаву правителя Малороссии претендовали два человека – И. Скоропадский и П. Полуботок. Но Петр I решительно отверг кандидатуру Павла («Этот человек хитрый, из него другой Мазепа может выйти»). Естественно, что никто, узнав о таком отзыве государя, не решился настаивать на кандидатуре П. Полуботка. Новым гетманом Украины стал И. Скоропадский. Хотя и сам Полуботок не был совсем уж обделен царской милостью – ему подарили во владение более 2000 дворов. Таким образом Павел стал одним из первых богачей Украины, который «жил широко и даже держал у себя двор вроде гетманского».

В 1722 году умер И. Скоропадский. Временным наказным гетманом Левобережной Украины стал Павел Полуботок. Однако с первых же дней у него возник серьезный конфликт с Малороссийской коллегией (органом управления, созданным Петром I), который стоил П. Полуботку и свободы, и жизни. В начале 1723 года противостояние власти в Гетманщине достигло апогея. Враждующие стороны обратились к царю с апелляцией.

В своем ответе на просьбу П. Полуботка позволить ему стать гетманом Малороссии Петр I заявил: «Всем известно, что от Богдана Хмельницкого до Скоропадского все гетманы были предателями, от чего сильно пострадала держава Российская, и особенно Малороссия, поэтому нужно подыскать в гетманы верного и надежного человека». А П. Полуботка таковым российский царь не считал. Однако Полуботок (возможно, рассчитывая на помощь царского любимца князя А. Меншикова) все равно в дальнейшем закидывал царя множеством челобитных. В конце концов, государь приказал позвать к себе гетмана, генерального судью Ивана Чарныша и генерального писаря Семена Савича.

Первые лица Малороссии прибыли в Петербург в августе 1723 года и были приняты достаточно приветливо. Но в конце месяца в Тайную канцелярию поступило письмо Феофана Прокоповича. Ссылаясь на письменное донесение черниговского епископа Иродиана, он обвинял П. Полуботка в сношениях с бывшим писарем И. Мазепы – Филиппом Орликом.

Для Петра I этого факта было более чем достаточно, чтобы начать следствие. В сентябре Полуботок, Савич и Чарныш были приведены на допрос в Тайную канцелярию, а уже в ноябре арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. По приказу Петра I для выяснения степени вины арестованных в Гетманщину отправился бригадир А. Румянцев. Царь тайно велел Румянцеву обыскать все дома и имения гетмана и составить опись имущества. При проведении этой операции столичные следователи убедились в исчезновении большей части золотого запаса рода Полуботков.

Наказной гетман в 1723 году внезапно умер в тюрьме и унес с собой в могилу тайну своих сокровищ. Вполне возможно, решающую роль в аресте П. Полуботка сыграл донос царю о том, что сын только что назначенного гетмана Малороссии Яков Полуботок еще в 1720 году вывез в Англию и положил в банк Ост-Индской компании (Лондонский банк) бочку золота. Со временем тайное досье по делу Полуботка попало на глаза жадному А. Меншикову, когда он правил Россией вместо Екатерины I. Временщик направил в Англию официальный правительственный запрос, на который положительного ответа не получил. Уже во времена правления Екатерины II подобную же попытку возвратить в казну золото гетмана Украины предпринимал фаворит императрицы Г. Потемкин-Таврический.

Поэтому статья профессора произвела эффект разорвавшейся бомбы. Ведь за двести лет благодаря процентам вклад

должен был стократ увеличиться – речь шла примерно о 800 млн царских рублей! В следующем году на автора сенсационной находки обрушился целый шквал писем от людей, которые доказывали свое родство с Полуботком. Чтобы скоординировать действия претендентов на одно из крупнейших в мире наследств, в 1909 году в Стародубе был созван специальный съезд потомков гетмана. Профессор Рубец обратился к собранию с речью, в которой утверждал, что вклад гетмана в английский банк действительно существует, и эти сведения были получены от лица, заслуживающего полного доверия. Съезд наследников Полуботка избрал комиссию в составе 25 человек. На собранные в складчину деньги эта комиссия наняла группу компетентных специалистов для изучения вопроса. Специалистам удалось выяснить, что в один из английских банков очень давно поступил вклад из России на сумму 10 000 голландских дукатов, но банк по оговоренным условиям хранения проценты не насчитывал. Для рассмотрения этого дела пришлось отправить в Лондон специальную делегацию, которая столкнулась там с полным непониманием со стороны преемников банка, которым некогда владела Ост-Индская компания. Служащие, ссылаясь на тайну вкладов, не допустили российских наследников Полуботка к архивам и банковским документам. Посланцам пришлось вернуться ни с чем.

На съезде профессор А. Рубец, в частности, составил список законных наследников Полуботка. Именно этот доку-

мент и имел в виду П. Тычина, когда писал: «...в так называемых „Полуботковских миллионах“ стояла и наша фамилия».

Теперь – самое интересное. Когда в Украине окончательно победили большевики, новая власть заинтересовалась как «золотым запасом» гетмана, так и списком профессора А. Рубца. Известно, что в 1922 году посол УССР в Вене Юрий Коцюбинский вел переговоры с полковником Робертом Митчеллом, представителем «Bank of England», куда якобы попали украинские сокровища после ликвидации Ост-Индской компании. Англичанин заявил, что для возврата вклада существуют определенные препятствия, ведь советское правительство Украины не признано Лондоном. Кроме того, если ту астрономическую сумму, которая накопилась за 200 лет, вдруг исключить из финансового оборота, то вся британская экономика полетит кувырком. Полковник дал понять, что речь может идти разве что о торгово-экономическом соглашении на межгосударственном уровне.

После образования СССР (декабрь 1922 года) все посольства Украины были закрыты. Продолжились ли переговоры с представителем английского банка – неизвестно. Но в любом случае Ю. Коцюбинский не действовал лишь по своему личному усмотрению – он имел соответствующие директивы из Харькова, тогдашней украинской столицы. По некоторым свидетельствам, ход переговоров рассматривался на тайном совещании президиума ВУЦИК под председатель-

ством «всеукраинского старосты» Григория Петровского.

В дальнейшем первую скрипку в этой истории начала играть Москва, а точнее – наркомат внутренней и внешней торговли СССР, который с 1926 года возглавил кремлевский долгожитель Анастас Микоян. Он в начале 1930-х был уполномочен проводить сверхсекретные сделки с иностранными финансовыми учреждениями стоимостью в десятки миллионов долларов (наподобие продажи за границу части коллекций Эрмитажа). Некоторые знакомые А. Микояна утверждали, что он был в курсе всех дальнейших переговоров по золоту Полуботка. Возможно, и сам принимал в них участие.

Судя по публикациям в российской прессе последних лет, советская разведка проявляла большой интерес к делу «золота гетмана П. Полуботка»: его активно искала и лондонская резидентура НКВД. Есть свидетельства, что в 1938 году английская делегация прибыла в Москву, где вела тайные переговоры по соглашению о гетманских сокровищах с представителями Внешторгбанка.

Нет необходимости доказывать, что вопросы такого масштаба не могли не контролироваться лично Сталиным – ведь он держал под контролем и менее важные дела. Что уж говорить о золоте украинского гетмана! А если вспомнить, что советский диктатор готовился к великой «освободительной» войне в Европе, которая требовала колоссальных затрат, то можно представить, насколько важными были для него поиски легендарных миллионов. Впрочем, правительства СССР

и Великобритании так и не пришли к соглашению относительно возвращения гетманских сокровищ. В 1939 году разразилась Вторая мировая война. Потомок Полуботка не понадобился. Зато огромную услугу СССР деньги Павла Полуботка оказали после завершения войны. Великобритания, как известно, была союзником СССР и оказывала значительную военную помощь – речь идет о поставках военной техники на сотни миллионов фунтов стерлингов. Именно деньгами Полуботка и заплатил СССР за эти поставки. Текст соглашения, которое подписали 27 декабря 1947 года Анастас Микоян и английский посол в СССР Морис Петерсон, был действительно фантастическим. Наверное, именно поэтому найти сегодня какие-либо упоминания о нем в советских изданиях невозможно. Хотя сам Анастас Микоян, по словам его сына Степана, считал подписание этого договора главным достижением своей жизни. Правительство Великобритании отказалось «за некоторыми исключениями от своих претензий к Советскому Союзу в связи с поставками и услугами, оказанными за время Второй мировой войны». По другим советским долгам были установлены чрезвычайно низкие ставки – 0,5 % годовых, а для выплат как по ним, так и по займам, которые еще только должны были быть предоставлены, устанавливалась отсрочка погашения на 15 лет. Зато Великобритания получала 750 тыс. тонн кормового зерна, но не бесплатно, а по ценам, «которые стороны согласовали». Существовало еще и тайное приложение

к договору, но его содержание также до сих пор неизвестно. В конце 1950-х годов англичане начали проявлять беспокойство по поводу прощенных военных долгов и настаивать на заключении нового соглашения, которое бы аннулировало все британские и советские взаимные финансовые претензии, причем как государственные, так и со стороны частных лиц. Вполне возможно, что предложение англичан было непосредственно связано с новой вспышкой интереса к делу о наследстве гетмана. Тогда газета «Известия» опубликовала небольшую заметку о Полуботке. Перспектива судебного иска вряд ли могла бы оставить британских финансистов равнодушными. Премьер-министр Великобритании Гарольд Вилсон несколько раз специально приезжал в СССР и во время встреч с А. Микояном пытался сдвинуть этот вопрос с мертвой точки. Англичане были даже согласны простить СССР царские долги. Но все оставалось по-прежнему, и только 5 января 1968 года было заключено межправительственное соглашение «Об урегулировании взаимных финансовых и имущественных претензий». Правительства договорились не предъявлять друг другу претензий ни от своего имени, ни от имени своих юридических и физических лиц. Но представители СССР настояли, чтобы в соглашение внесли временное ограничение: соглашение касалось только претензий, возникших до 1939 года. Очевидно, советские лидеры рассчитывали в будущем еще раз «подойти» британцев, шантажируя их Полуботком. Великобритании понадобилось

еще 18 лет дипломатических усилий, чтобы заключить второй договор о взаимном отказе от претензий, возникших до 1939 года. Соответствующий документ был подписан во время визита в Лондон министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе в июле 1986 года.

Гетман Павел Полуботок в 1990-м снова оказался в центре внимания украинского общества с подачи известного поэта Владимира Цыбулько. Во время одной из частых тогда встреч украинской интеллигенции в киевском Доме учителя Цыбулько с трибуны рассказал о 200 000 золотых червонцев, которые П. Полуботок в начале XVIII века оставил в одном из английских банков под проценты. Слова В. Цыбулько нашли благодарных слушателей. В газетах появилась справка экспертов «Дойче-банка», согласно которой Украина среди 15 республик СССР имела наилучшие стартовые условия для независимости. А тут еще и информация о том, что на каждого из 52 млн жителей Украины может прийти по 38 килограммов золота – если Украине удастся вернуть сокровище Полуботка на родину. Сам Владимир Цыбулько через много лет признался, что «золото Полуботка», как, впрочем, и справка экспертов «Дойче-банка», были скорее удачными агитационными приемами, чем объективной реальностью.

Однако в начале 1990-х тема золота Павла Полуботка не сходила с газетных полос. Народные депутаты Владимир Яворивский и Роман Иванычук призывали добиться от Великобритании возвращения национального богатства. Была

даже создана специальная комиссия во главе с академиком П. Тронько, которая посетила Лондон. Но британцы вежливо ответили, что никаких денег Полуботка у них нет.

Правительство УССР 3 августа 1990 года поручило «МИД УССР, юристам, историкам, управлению архивов провести исследовательскую работу, чтобы поставить окончательную точку в деле о наследстве украинского гетмана Павла Полуботка».

Британские газеты вышли с сенсационным сообщением о том, что «Украина выдвигает Соединенному Королевству претензии на сумму в 16 (!) триллионов фунтов стерлингов золотом», а британские экономисты сразу же подсчитали, что при этом каждому подданному британской монархии придется выложить примерно 38 килограммов золота.

Но при чем здесь Павел Тычина? Некоторые исследователи его жизни и творчества предполагают, что если бы советское и британское правительства все-таки договорились, понадобился бы настоящий наследник П. Полуботка, поскольку именно в его руки – пусть только формально – и предстояло возвратить гетманские капиталы. По их мнению, это был еще и своего рода «защитный зонтик» поэта – цена его жизни равнялась стоимости сокровищ П. Полуботка. Вот почему Павел Григорьевич, в отличие от многих коллег по перу, не попал под машину сталинских репрессий. Возможно, поэтому его имя никогда не фигурировало в протоколах допросов НКВД.

Более того, нельзя исключать, что, готовясь получить гетманские миллионы, власть предприняла и определенные практические шаги. И здесь надо вспомнить поездку Тычины в Париж летом 1935-го. Следует добавить, что, выполняя указание из Москвы, поэт возвращался домой довольно странным маршрутом – через... Лондон (!). Согласитесь, путь не только не самый короткий, но и не очень удобный, ведь, чтобы добраться до Туманного Альбиона, Павлу Григорьевичу пришлось на катере пересекать Ла-Манш. Заметим, что он к тому же плохо переносил качку. Был шторм, небольшое суденышко с трудом преодолевало бурные волны. На всем протяжении рейса поэт, бледный как мел, обхватывал столб в кают-компании, держа в карманах плаща на всякий случай два лимона.

Как понять причину такого маршрута? Только из-за знакомства с Лондоном? Предварительная проверка, дадут ли британцы Тычине въездную визу? Какая-то изощренная комбинация? Ответить трудно, ведь неизвестно, что именно делал Павел Григорьевич в британской столице, которую местные «объекты» рекомендовали ему посетить...

Однако привлекательная история о лондонском золоте гетмана Павла Полуботка остается всего лишь легендой.

Глава вторая

Отец

Павел Григорьевич Тычина родился 23 января 1891 года в селе Пески Бобровицкого района Черниговской области в многодетной семье дьяка Григория Тимофеевича Тычины. Григорий Тычина гордился своим казацким происхождением. В «Автобиографии» Павел Григорьевич писал: «Отец мой происходил из низшего духовенства: он был сельским дьячком и одновременно учителем грамоты». Как свидетельствуют архивные документы, Григорий Тимофеевич Тычина прибыл в село Пески летом 1887 года в тридцатилетнем возрасте. Сначала служил пономарем при храме, а затем его назначили дьяком и одновременно учителем грамоты для крестьянских детей. «Слишком тяжела была молодость отца. Отец его, а мой дед Тимофей, никак не хотел учить маленького Григория. В школу походил, мол, год-два – ну и хватит. Этим воспользовались два далеких родственника моего отца. Один из них, священник села Лёток над Десной, сманил Григория к себе, пообещав отдать его учиться в бурсу. Григорий два года чистил у него конюшню, да так и не дождался обещанного. Тогда перехватил Григория к себе другой родственник – священник из села Семиполки. Здесь на подростка помимо чистки конюшни и присмотра за ло-

шадьями в поле еще больше навалили работы. Священник со своими подручными живописцами исполнял заказы иконописной мастерской Киева на Подоле. Часто Григория срочно посылали верхом на лошади в Киев через глухой Броварский лес, чтобы к ночи он уже возвратился оттуда с ответом. Григорий мыл кисти, счищал палитры, растирал краски. Но годы шли. Как переростка, его уже не принимали ни в какое училище. Оставалось одно: самому готовиться к экзамену на дьячка, готовиться урывками, около лошадей на лугу. Он выдержал экзамен, и его сразу назначили в село Пески», – писал впоследствии П. Тычина.

В Песках Григорий Тычина познакомился с молоденькой девушкой-сиротой Марией Савицкой, которая в неполные шестнадцать лет вышла за него замуж. В браке Марии Васильевны и Григория Тимофеевича Тычин родилось тринадцать детей, в живых из которых осталось девять – четверо мальчиков и пять девочек. В своем дневнике Тычина впоследствии сделал такую запись: «Я лишь сын бедного дьячка из Песков... Я – седьмой, а всех было тринадцать. Я – посередине. До меня: Василий, Проня, Пелагея, Михаил, Ирина, Иван, после меня Оксана, Евгений, Константин, Александра, Наталья, Сергей».

«Семья Тычин (Тычининых) по тем временам бедная, задерганная лишениями и крестьянскими заботами семья, – писал исследователь жизни и творческого пути писателя С. Тельнюк: – ...И все же было в ней что-то особое. Все Тычи-

ны... талантливые, тянулись к творчеству».

Люди, которые помнили Григория в молодости, утверждали, что он отличался от горожан не только одеждой (носил пиджак, рубашку с воротником-стойкой, добротные сапоги), не только красотой, но и городскими манерами и большой энергичностью. Он все любил делать «на барскую ногу». Так, заставлял малых причесывать волосы по барской моде, называл их «по-барски» Мишей, Ваней, Павлушей, Ксенией. Даже жену, хоть она и противилась этому, звал Машей. Преклонение перед всем барским, а значит, не своим, автоматически русским, привело к тому, что отец сменил фамилию на Тычинин.

Отец любил детей, но злоупотреблял спиртным, когда кто-то попадал ему под горячую руку, мог того жестоко избить. Именно от таких побоев и умер маленький Костик, а его смерть заставила отца в борьбе с нестерпимыми муками совести еще чаще заглядывать в рюмку.

Дьяк Григорий Тимофеевич Тычина выделялся среди односельчан еще и своей неординарностью. «Часто отец мечтал вслух о том, чтоб через Пески прошла железная дорога, чтобы была построена в нашем селе больница и почта... Вот если бы и в нашем селе... Но изобразить своего отца начинателем и осуществителем какого-то героического дела – я, право, не могу... Отец мой о многом хорошем думал, о многом беседовал с песковской учительницей Серафимой Николаевной Морачевской (а с ней можно было откровенно

говорить)»...

В семье царил культ книг, печатного слова: длинными осенними и зимними вечерами дети вслух читали произведения Тараса Шевченко, «Тараса Бульбу» Николая Гоголя, «Басни» Леонида Глебова, произведения Бориса Гринченко и Марии Загорней.

«Образование у отца моего было домашнее, однако, как теперь я вспоминаю и выясняю, он по своему богатейшему опыту стоял гораздо выше многих других. Так обучению и воспитанию детей он уделял исключительное внимание, обучая нас, как надо жить в мире... отец был чудесным, хотя и строгим человеком. Он не терпел, когда мы, дети, сидели без дела... Он объединял всех нас. Чем? Рассказами о своей тяжелой молодости... Отец учил нас стоять за правду, за справедливость... Мой отец... всей своей душой любил людей, чувствовал их и уважал, как только возможно, эту любовь к людям он передал и нам, своим детям... Не канонизирую его – ни разу! – а передаю все то, что помню о нем. Итак: он был и добрым, и строгим, часами сосредоточенным в себе; он бывал и сдержанным, бывал и горячим – до того горячим, что ему трудно было остановить самого себя, и это было причиной того, что он (всего один раз я в детстве это видел) таскал за волосы по полу мою маму... тот день я не забуду... Я тогда весь обмер. И вскрикнул я яростно, бросился к лавке – на которой топор, отец, пьяный, отбросил меня пинком. А сам как опомнился – тотчас вышел из дома,

сестренки замолчали. Как будто погасло и лето», – вспоминал впоследствии Павел Тычина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.